

ТРАНСФОРМАЦИЯ ВИРТУАЛЬНОЙ ПУБЛИЧНОЙ СФЕРЫ В УСЛОВИЯХ СПЕЦИАЛЬНОЙ ВОЕННОЙ ОПЕРАЦИИ¹

Д. С. Мартьянов

Мартьянов Денис Сергеевич

Эл. почта: dsmartyanov@mail.ru. ORCID 0000-0001-7755-8086

Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук (ИНИОН РАН), Нахимовский проспект, д. 51/21, Москва, Россия, 117418.

Санкт-Петербургский государственный университет, Университетская наб. 7/9, Санкт-Петербург, 199034, Россия.

Аннотация. Данное исследование посвящено изучению особенностей дискурса российской виртуальной публичной сферы на примере политизированных виртуальных сообществ социальной сети «ВКонтакте» и мессенджера «Телеграм». Актуальность темы связана со специальной военной операцией (СВО) как фактором, оказывающим существенное влияние на трансформацию политического дискурса и коммуникационные практики в интернет-среде. Новизна исследования обусловлена акцентом на те изменения, которые происходят в российском коммуникативном пространстве в условиях СВО. Целью данной статьи является выявление специфики функционирования виртуальной публичной сферы в условиях специальной военной операции при учете платформенных особенностей социальной сети «ВКонтакте» и мессенджера «Телеграм». В качестве центрального метода исследования выступил анализ дискурса виртуальных сообществ. Анализу были подвергнуты 105 сообществ на платформах «ВКонтакте» и «Телеграм», где были рассмотрены по 100 комментариев в двух наиболее популярных постах. Статья позволяет сделать выводы о специфике коммуникации в условиях специальной военной операции и охарактеризовать состояние виртуальной публичной сферы. Автор выявляет фундаментальное влияние фактора СВО на политическую коммуникацию в русскоязычном Интернете. Виртуальная публичная сфера характеризуется как достаточно сегментированное пространство, включающее множество сообществ с тенденцией к гомогенной коммуникации по типу «эхо-камер». Это обуславливается консолидацией российского общества по вопросу о специальной военной операции. Свидетельством тому служит доминирующий «патриотический» дискурс в условиях СВО в российской виртуальной публичной сфере, а наиболее распространенной групповой идентичностью является гражданская идентичность. Автор делает также ряд выводов о межплатформенной специфике политической коммуникации.

Ключевые слова: публичная сфера, виртуальное сообщество, эхо-камера, политический дискурс, социальные сети, специальная военная операция.

Введение

Фактор ведения боевых действий является фундаментальным для политической коммуникации в связи с трансформацией социальных практик, институтов и ценностно-нормативных установок. Такие события определяющим образом действуют как на повестку дня, так и на политический дискурс. Длительность боевых действий задает своеобразную динамику социальных перемен, которые, с одной стороны, определяют функционирование публичной сферы, а с другой — сами испытывают серьезное влияние через механизмы легитимации, использу-

¹ Исследование выполнено в рамках проекта № 122101100040-8 «Особенности современного политического дискурса и механизмы взаимодействия в виртуальных сообществах ВКонтакте и Telegram», реализуемого в Институте научной информации по общественным наукам РАН по итогам отбора научных проектов, поддержанных Министерством науки и высшего образования РФ и Экспертным институтом социальных исследований.

мые средствами массовой информации. В условиях ведения войны, как отмечают Е. А. Антюхова и В. Ф. Блохин, могут меняться «режимы публичности» (Антюхова, Блохин, 2022, с. 8), определяющие допустимость дискурсов и обсуждаемых тем. Во время Первой мировой войны власти России и Германии, например, жестко регулировали любые рассуждения, касающиеся вопросов установления мира. Очевидно, что данная проблема остается актуальной и в современном мире.

Показательно, что политологический дискурс в связи с заложенными в его основу идеологемами расставляет разные акценты в казалось бы крайне близких феноменах. Так аспекты функционирования коммуникативного аспекта гражданского общества — публичной сферы — рассматриваются прежде всего с позиций ее неизбежного внешнего (государственного) регулирования, а не с позиций саморегулирования, связанного с временной консолидацией общества (Антюхова, Блохин, 2022). В то же время само гражданское общество в условиях войны рассматривается и в контексте консолидации против врага (Туманова, 2012), которая по ходу Первой мировой войны меняла вектор и в конечном итоге обернулась уже против государства.

Начавшаяся специальная военная операция требует не только учета ошибок столетней давности, но и кропотливого анализа текущего состояния политической коммуникации. В связи с этим актуальным представляется исследование российской публичной сферы, в особенности виртуальной ее составляющей.

Виртуальная публичная сфера

Классическая концептуализация публичной сферы была произведена Ю. Хабермасом, определявшим последнюю как область формирования общественного мнения (Habermas, 1989), которая характеризуется открытостью, разнообразием мнений и рациональностью дискуссии.

Концепция хабермасианской публичной сферы хотя и была подвергнута многосторонней критике (Fraser, 1990) (Negt, Kluge, 1993), однако не только закрепилась в научном вокабуляре, но и породила такие «дочерние» концепты, как «виртуальная публичная сфера», «глобальная публичная сфера», «эмоциональная публичная сфера» (Мартьянов, Лукьянова, 2021) и т. п.

Хотя хабермасианский идеал публичной сферы, очевидно, является не только не достижимым, но крайне слабо поддается сколько-нибудь близкой реализации, «концептуализаторы» виртуального аналога публичной сферы идут в хабермасианской колее (Al-Saggaf, 2006).

Н. Пур выделяет четыре характеристики онлайн-публичной сферы: (1) онлайн-публичная сфера представляет собой зачастую опосредованное дискурсивное пространство; (2) это открытая среда, представляющая новые возможности для исключенных участников; (3) данная сфера имеет тенденцию к политизации; (4) идеи в ней оцениваются с учетом их аргументированности, не взирая на статус говорящего (Poore, 2005). Разумеется, многие виртуальные сообщества не соответствуют данным критериям. Но в то же время следует учитывать, что публичная сфера может не только формироваться внутри сообщества, но и создавать дискурс, который выходит за рамки отдельного сайта, паблика или канала. Именно с такой идеей выступают К. Фут и С. Шнайдер (Foot, Schneider, 2002), предлагая идею «политической веб-сферы». Границы подобной публичной сферы определяются общей темой или «объектом» дискурса.

Размытие (и переопределение) границ публичной сферы в Интернете обусловлено тем, что сам Интернет является глобальным, или транснациональным, феноменом и в связи с этим выступает как своеобразное отражение дискурса «мирового гражданского общества», а не национальным дискурсивным пространством. Информационная глобализация формирует «транснациональную публичную сферу» (Семенов, 2017). Становление общего коммуникативного пространства далеко не всегда стыкуется с интеграцией политических систем, в то время как концепция публичной сферы связывает два этих аспекта. С усилением трендов постглобализации, особенно с середины 2010-х годов, эта проблема смотрится все более выпукло.

Как отмечает М. Кастельс, «мультимодальные коммуникационные сети формируют в совокупности публичное пространство сетевого общества» (Кастельс, 2016, 335; Семенов, 2017). В то же время постглобализация (Мартьянов, 2012) постепенно усиливала процессы кибербалканизации, управление Интернетом в контексте национальных государств и формирование национальных или, по крайней мере, языковых, цивилизационных публичных сфер. Рост значимости социальных сетей, а затем — широкого спектра приложений, привел к тому, что они стали формировать собственные публичные сферы.

Публичная сфера и поляризация

Н. Пур, рассматривая виртуальные публичные сферы в границах единичных сайтов, вторя Н. Фрейзер (Fraser, 1990) и др. (Asen, Brouwer, 2001) (Dahlberg, 2001), допускает существование множественности публичных сфер как частей более общей публичной сферы.

В то же время еще в начале 2000-х гг. стали отмечать, что виртуальные сообщества не способствуют формированию небольших публичных сфер хабермасианского образца. Л. Дальберг увидел, что, поскольку виртуальные сообщества формируются на основе общих интересов, это способствует гомогенизации аудитории по обсуждаемому вопросу. В результате, как правило, никаких рационально-критических дебатов не возникает, вместо чего люди общих взглядов обращаются друг к другу за советом и эмоциональной поддержкой (Dahlberg, 2001), что и является сутью настоящих общин (*gemeinschaft*) в тённисовском смысле этого слова.

В дальнейшем подобная тенденция стала рассматриваться в западной научной литературе в основном как негативный тренд, чему способствовала популяризация и своеобразная демонизация феномена «эхо-камеры» (Sunstein, 2009). Впрочем, необходимо отметить, что ряд сообществ такого рода оставался по идеологическим причинам вне критики, для чего был разработан концепт «безопасных пространств» (Gibson, 2019), которыми маркировались «эхо-камеры» для «угнетенных меньшинств».

Поскольку «эхо-камера» рассматривалась как феномен гомогенной коммуникации, имеет смысл противопоставлять идеальную модель «эхо-камеры» идеальной модели «публичной сферы». В то же время «публичная сфера» рассматривается западным научным дискурсом в нормативном ключе как цель, в то время как почти все проявления гомогенности рассматриваются критически или негативно (Управляемость и дискурс, 2019, 89).

Доминирование гомогенных пространств («эхо-камер», «безопасных пространств» и классических сообществ по интересам, формирующих не гражданскую идентичность, а широкий спектр альтернативных идентичностей, в том числе виртуальные идентичности (Мартьянов, 2014), приводит к дисфункциям национальной публич-

ной сферы, разрушает формирование общенациональной повестки дня и в конечном счете фрагментирует общество. В условиях противостояния ценностей и актуализации значимых социально-политических расколов это сопровождается усилением поляризации. Публичная сфера распадается на несколько крупных «эхо-камер», и общество оказывается в условиях информационной гражданской войны. Именно это было характерно для трамповской Америки, как и для современных США.

В условиях ведения войны возникает схожая проблема. Российское коммуникативное пространство по факту является русско-язычным коммуникативным пространством, в которое интегрированы все русскоязычные пользователи мировой Сети, в том числе граждане других стран. В контексте специальной военной операции на Украине это означает, что в одну коммуникативную среду включены граждане государств, находящихся в состоянии военного противостояния.

Хотя в связи с блокировками многих крупных интернет-ресурсов сначала со стороны Украины, а с 2022 г. и в России, общее коммуникативное пространство было в значительной степени разрушено, в то же время остаются такие пространства, как мессенджер «Телеграм» или видеохостинг Youtube, где происходит столкновение двух аудиторий.

Таким образом, интерес для эмпирического исследования представляет анализ функционирования виртуальной публичной сферы в России на таких ресурсах, как «Телеграм», в сравнении с заблокированной на Украине и довольно скрупулезно регулируемой в России социальной сетью «ВКонтакте».

Методология

Исследование проводилось на двух крупных онлайн-платформах — в социальной сети «ВКонтакте» и в мессенджере «Телеграм». Изначально отобрали 110 политизированных виртуальных сообществ, которые были подвергнуты комплексному изучению с помощью целого ряда методов. Среди них на завершающем этапе был использован дискурс-анализ. В ходе исследования некоторые сообщества были заблокированы, поэтому на последнем этапе удалось проанализировать лишь 105 из 110 сообществ. Как сообщества классифицировались группы, в которых систематически возникают дискуссии по предложенным администрацией паблика или канала тем (Мартьянов, Мартьянова, 2019). В связи с этим медиа, ограничивающие возможность комментирования, в выборку не включались.

Формирование выборки происходило исходя из принципа популярности отдельных сообществ «ВКонтакте» и «Телеграма». Сама выборка была разделена на три части: политизированные сообщества СМИ (в таблицах обозначены как «медиа»), сообщества политических акторов (в таблицах — «государство», «лидеры», «партии», «неофициальные группы», представляющие элементы идеологического спектра) и сообщества, связанные с новостями о СВО. Первые два блока выборки имели как сообщества, дублирующиеся в «ВКонтакте» и «Телеграме», так и оригинальные сообщества, существующие только на одной из платформ. Для третьей части выборки использовались только непересекающиеся сообщества. Они были сформированы путем поиска наиболее популярных каналов и пабликов по ключевым словам «война» (в том числе по специальному поиску в разделе «Политика»), «специальная военная операция», «Украина» и «нет войне».

Дискурс-анализ предполагал изучение двух наиболее обсуждаемых, но различных по заявленной теме постов, относящихся к 2022 г., в каждом из сообществ.

Таблица 1. Сопряженность тип сообщества — гомогенность

Table 1. Contingency table: community type — homogeneity

Тип сообщества	Степень гомогенности					Итого
	1	2	3	4	5	
Медиа	16	29	7	1	1	54
Партии	9	4	3	8	4	28
Государство	5	14	1	0	0	20
Лидеры	7	14	3	6	0	30
Неофициальные группы	3	6	4	5	0	18
«Война»	1	4	0	1	0	6
«Война» в «Политика»	1	0	1	3	1	6
Нет войне	0	6	0	0	0	6
Специальная военная операция	18	12	1	4	1	36
Украина	1	2	2	1	0	6
Итого	61	91	22	29	7	210

В каждом из этих постов были проанализированы первые сто комментариев, после чего эксперт, осуществлявший анализ, заносил свою оценку в кодировочную таблицу. Каждый пост просматривали не менее трех экспертов. При этом третий эксперт имел перед собой результаты анализа первых двух и акцентировал внимание на спорных случаях, когда оценки первых двух исследователей расходились.

Результаты исследования

Среди обозначенных в дискуссиях виртуальных сообществ тем с гигантским отрывом лидирует тема специальной военной операции (141 из 210). Речь идет не только о новостях, касающихся хода проведения операции, но и смежных тем — санкций, выступлений политиков по этой теме, некрологов павшим героям и т.п.

Наиболее важным параметром, который косвенно свидетельствует о фрагментации и дисфункциях виртуальной публичной сферы, является гомогенность сообществ. В целом следует оценить гомогенность аудиторий в проанализированных сообществах как высокую — 152 из 210 постов продемонстрировали гомогенную коммуникацию, оцененную как 1 («однородная») и 2 («скорее однородная») (табл. 1).

Для медиасообществ также более характерна однородная дискуссия с «затыканием» оппонентов и банами (блокировками) выразителей радикальных точек зрения. При этом плюралистичные дискуссии характерны для политических партий, которые довольно редко педалируют тему специальной военной операции, «неофициальных групп» (сообществ, основанных на общности идеологических взглядов), также ориентированных в большей степени на собственную повестку дня, и некоторых политических лидеров. Это говорит о том, что в дискурсе специальной военной операции заметна поляризация по принципу «эхо-камер»: хотя противоположные взгляды по поводу боевых действий и выражаются, коммуникация между противоборствующими сторонами является скорее исключением. Особняком

Таблица 2. Сопряженность типа дискурса и гомогенности

Table 2. Contingency table: type of discourse — homogeneity

Дискурс сообщества	Степень гомогенности					Итого
	1	2	3	4	5	
Патриотический	31	47	5	10	0	93
Критический	5	13	6	7	0	31
Западнический	3	7	3	1	0	14
Обывательский	13	11	4	4	3	35
Лоялистский	2	0	0	0	0	2
Националистический	1	0	0	0	0	1
Нейтральный	0	1	0	0	0	1
Либеральный	0	0	0	0	1	1
«Левый»	1	0	0	0	0	1
Пацифистский	1	1	0	1	0	3
Потребительский	0	1	0	0	0	1
Противоречивый	0	4	2	3	2	11
Русофобский	3	4	1	0	0	8
Феминистический	1	1	0	1	1	4
Энвайронменталистский	0	1	1	2	0	4
Итого	61	91	22	29	7	210

здесь стоят сообщества «ВКонтакте», посвященные тематике войны и найденные в категории «Политика» — среди них преобладают гетерогенные дискуссии.

Наиболее распространенным в проанализированных ветках дискуссий является «патриотический» дискурс, для которого в целом характерно однородное обсуждение предложенных событий, однако определенные попытки нарушения этой гомогенности не так уж редки (оценки 3 и 4 — «нет доминирующей тенденции» и «скорее разнородное обсуждение» — получили 15 из 93 проанализированных веток) (табл. 2). При этом из 93 веток дискуссий с «патриотическим» дискурсом теме «СВО» посвящено подавляющее большинство — 78.

Разнородные и «смешанные» ветки (оценки 4 и 3) характерны также и для (13 веток из 31) «критического» дискурса, направленного на делегитимацию. При этом большая часть подобных дискуссий (22 из 31) также велись на тему специальной военной операции.

Достаточно важным для анализа состояния публичной сферы является анализ объекта, против кого направлена дискуссия. В табл. 3 мы включили только часть «врагов», на которых был направлен негативный вектор дискуссии, оставив лишь самые популярные анкеты и убрав единичные кейсы.

Дискурс врага «ВКонтакте» мало отличается от дискурса врага в «Телеграме». Предсказуемо лидирует в списке «врагов» (или корректнее — противопоставленных «других») Украина как сторона конфликта в специальной военной операции (58 кейсов). Это не означает, что во всех обсуждениях наличествовала «демониза-

Таблица 3. Сопряженность «враг» — тип сообщества

Table 3. The «enemy» community type — contingency

«Враг»	ТИП										
	война	война в «Политика»	государство	лидеры	медиа	неофициальные группы	нет войне	партии	специальная военная операция	Украина	Итого
Не применимо	1	1	9	5	8	4	0	9	4	0	41
Армия	0	0	0	0	1	0	0	0	3	0	4
Власть	0	0	4	6	7	7	2	10	7	0	43
Внутренний враг	1	1	2	2	9	0	0	2	2	1	20
Война	0	0	0	1	0	1	0	0	0	0	2
Запад	0	0	3	3	9	2	0	1	2	1	21
Мужчины	0	0	0	0	0	1	0	0	1	0	2
Россия	0	0	0	0	0	2	0	0	3	0	5
СССР	0	0	0	0	0	0	1	0	0	0	1
Украина	4	3	1	11	17	0	3	3	13	3	58
Элита	0	0	0	1	2	0	0	0	0	0	3
Итого	6	6	20	30	54	18	6	28	36	6	210

ция» Украины, однако было зафиксировано противопоставление данной стороны групповой идентичности. Наиболее высокий процент подобного дискурса заметен в сообществах политических лидеров и группах, посвященных тематике СВО. В дискурсивном контексте заметно превалирование патриотического дискурса (45 из 58 сообществ).

Интерес представляет и то, что вторым по популярности «врагом» стала «власть». Наиболее активными критиками здесь стали участники партийных и «идеологических» сообществ («неофициальные группы»). В дискурсивном контексте предсказуемо, что чаще российская власть критикуется в рамках «критического» дискурса (15 из 43) и «западнического» — 7 кейсов. Однако важно заметить, что третьим по численности критиком власти выступили сообщества с «патриотическим» дискурсом (5 из 43). Это не случайность. Действительно, при качественном анализе заметна критическая позиция «патриотов» в отношении проведения специальной военной операции, которая перемеживается с легитимацией действий армии.

Заметен и тренд обсуждения темы «внутренних врагов», в качестве которых обычно выступают известные люди, не поддержавшие проведение специальной военной операции. Эта тема педалируется ресурсами почти всех типов.

В целом можно судить о высокой степени управляемости сообществами со стороны редакций и администраций интернет-ресурсов (табл. 4). Обычно аудитория соглашается с посылом, который вкладывает в сообщение автор паблика или канала.

Таблица 4. Сопряженность «дискурс сообщества» — согласие с дискурсом медиа

Table 4. Community discourse — concordance with media discourse

Дискурс сообщества	Согласие					Итого	
	не применимо	1	2	3	4		5
Западнический	0	4	6	2	2	0	14
Критический	0	4	9	5	7	6	31
«Левый»	0	1	0	0	0	0	1
Либеральный	0	1	0	0	0	0	1
Лоялистский	0	2	0	0	0	0	2
Националистический	0	1	0	0	0	0	1
Нейтральный	0	0	0	1	0	0	1
Обывательский	1	15	9	3	7	0	35
Патриотический	0	43	37	4	7	2	93
Пацифистский	0	1	0	1	1	0	3
Потребительский	0	0	0	1	0	0	1
Противоречивый	0	0	5	4	2	0	11
Русофобский	0	3	2	1	1	1	8
Феминистический	0	1	2	1	0	0	4
Энвайронменталистский	0	0	0	2	1	1	4
Итого	1	76	70	25	28	10	210

«Бунты» аудиторий заметны в сообществах с «критическим», «обывательским» и «патриотическим» типами дискурса.

С точки зрения групповой идентичности (табл. 5), доминируют сообщества, которые следует охарактеризовать как общегражданские. Это не означает доминирования в них особого типа гражданского самосознания. Обычно попадание сообществ в данный кластер маркирует его как относительно неопределенный, не имеющий выраженной идеологической или ценностной ориентации, а также выраженной, выходящей за рамки характерных для всего российского общества, специфической социально-политической либо экономической цели. Гражданская идентичность более характерна для аудитории «ВКонтакте», чем для «Телеграма» (95 и 76 дискуссий соответственно).

Вторым заметным кластером стал кластер «Запада и западников», что связано как с открытостью русско-язычной публичной сферы, в которую интегрированы информационные ресурсы с откровенно вражеской направленностью (особенно это характерно для «Телеграма», так как 12 из 14 «западнических» дискуссий выявлено в данном мессенджере), так и с определенным расколом внутри гражданского общества в России.

Отметим, что распределение дискурса в зависимости от платформы отличается. Для «Телеграма» менее характерны «патриотические» дискуссии (41 в «Телеграме» и 52 в «ВКонтакте») и более характерны «критические» дискуссии (19 в «Телеграме», 12 в «ВКонтакте»). «Телеграм» оказался «рассадником» «русофобского дискурса

Таблица 5. Сопряженность «мы-идентичность» — тип сообщества

Table 5. The “we-identity” — community type conjugation

«Мы»	Тип										
	война	война в «Политика»	государство	лидеры	медиа	«неофициальные группы»	«нет войне»	партии	специальная военная операция	Украина	Итого
Не применимо	0	1	0	0	5	2	0	3	0	0	11
Граждане РФ	6	5	20	29	45	8	4	19	29	6	171
Женщины	0	0	0	0	0	0	0	0	1	0	1
Запад и западники	0	0	0	0	4	0	2	2	6	0	14
Зеленые	0	0	0	0	0	2	0	0	0	0	2
Левые и коммунисты	0	0	0	1	0	1	0	2	0	0	4
Пацифисты	0	0	0	0	0	1	0	0	0	0	1
Потребители	0	0	0	0	0	0	0	1	0	0	1
Правые и националисты	0	0	0	0	0	2	0	1	0	0	3
Феминистки	0	0	0	0	0	2	0	0	0	0	2
Итого	6	6	20	30	54	18	6	28	36	6	210

(7 дискуссий против 1 дискуссии в сети «ВКонтакте»). Для «ВКонтакте» более характерен «обывательский» дискурс (22 против 13 в «Телеграме»).

Выводы и дискуссия

Анализ виртуальной публичной сферы на примере политизированных сообществ «ВКонтакте» и «Телеграм» показал, что тема специальной военной операции в настоящее время является фундаментальным фактором формирования дискурса. «На обочине» данной дискуссии остались лишь некоторые идеологизированные неофициальные группы, имеющие собственную повестку дня (например, группы «зеленых» и феминисток), группы органов власти, поскольку, как правило, они продолжают работу в «штатном» режиме. В меньшей степени это касается политических партий и региональных лидеров.

Доминирование специальной военной операции в повестке дня в первую очередь приводит к популяризации «патриотического» дискурса, что и является главным результатом трансформации публичной сферы, способствуя определенной деидеологизации дискуссий по другим вопросам, поскольку они отходят на второй план.

Виртуальная публичная сфера мало соответствует хабермасианскому идеалу пространства рациональной дискуссии. 64,8% дискуссий были определены как скорее «эмоциональные» или «эмоциональные», в то время как дискуссии гомогенного и «скорее гомогенного» характера распространены в 72,4% постов. Исходя из этого

можно заключить, с одной стороны, общую консолидацию российского общества, которая так или иначе прослеживается и на более «замкнутом» «ВКонтакте» и более мультидискурсивном «Телеграме», а с другой — высокую управляемость коммуникации: её можно проследить как на административном уровне, так и на уровне коммуникации участников внутри сообществ.

Общественное мнение в Интернете в целом поддерживает специальную военную операцию, хотя и рассматривает отдельные аспекты ее проведения критически, в том числе с патриотических позиций.

Фактор платформы хотя и замечен в связи с распространением в «Телеграме» более «западнического» и даже «русophobic» дискурса, однако на имеющейся выборке этот фактор не стал системообразующим для формирования общего политического дискурса платформы.

Несмотря на попытку выявить кластер пацифистских дискурсов широкого пространства эти идеи в настоящий момент не получили.

Разумеется, несколько иные результаты могли бы быть получены, если бы были проанализированы не «топовые» для сообществ новости и сообщения, а в том числе менее популярные, обыденные, «типичные» посты, собранные по принципу включения разнообразных тематик. Однако репрезентативность такого исследования, как показывает общий анализ контента постов политизированных пабликов и каналов, уступала бы данной выборке, так как тема СВО превалирует в российском политизированном дискурсе. К тому же, как показывает практика, далеко не все «сообщества» систематически иницируют подходящие для анализа ветки дискуссий, ограничиваясь небольшим количеством плохо связанных комментариев отдельных участников, и выбор «иных тем» привел бы к тому, что часть сообществ пришлось бы «отбраковать».

Данное исследование демонстрирует ряд важных тенденций, а именно: гомогенизацию виртуальных сообществ, определенную милитаризацию дискурса, консолидацию публичной сферы и (с некоторыми поправками) близость дискурса платформ «ВКонтакте» и «Telegram».

Библиографический список

- Антюхова, Е. А., Блохин, В. Ф. (2022). Трансформация публичной сферы в годы Первой мировой войны: Отношение к войне и миру. *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения*, 27(1), 6–19.
- Кастельс, М. (2016). *Власть коммуникации*. М.: Изд. дом Высшей школы экономики.
- Мартьянов, Д. С. (2012). Трансформация концептуальной схемы «Политика и Интернет» в постглобальном контексте. *Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС*, 8(3), 160–169.
- Мартьянов, Д. С. (2014). Сетевая идентичность: Трансформация феномена и подходов к изучению. *Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС*, 10(4), 142–160.
- Мартьянов, Д. С. (ред.) (2019). *Управляемость и дискурс виртуальных сообществ в условиях политики постправды*. СПб.: ЭлекСис.
- Мартьянов, Д. С., Лукьянова, Г. В. (2021). Эмоциональная публичная сфера: поляризация паралингвистического интернет-дискурса. *Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика*, 2, 25–48.
- Мартьянов, Д. С., Мартьянова, Н. А. (2019). Управляемость виртуальных сообществ: сравнительный анализ политизированных групп Вконтакте. *Журнал политических исследований*, 3(3), 79–93.

- Семенов, Е. Е. (2017). Транснациональная публичная сфера: эффекты глобализации. *Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке*, 6(6А), 166–173.
- Туманова, А. С. (2012). Организация помощи фронту и жертвам войны как результат совместных усилий власти и гражданского общества в годы Первой мировой войны: институциональный и правовой аспекты. *Гражданское общество в России и за рубежом*, 4, 34–40.
- Al-Saggaf, Y. (2006). The Online Public Sphere in the Arab World: The War in Iraq on the Al Arabiya Website. *Journal of Computer-Mediated Communication*, 12(1), 311–334. DOI: 10.1111/j.1083-6101.2006.00327.x
- Asen, R., Brouwer, D. (Eds) (2001). *Counterpublics and the State*. New York: State University of New York.
- Dahlberg, L. (2001). Computer-mediated Communication and the Public Sphere: A Critical Analysis. *Journal of Computer-Mediated Communication*, 7(1). Retrieved from <http://jcmc.indiana.edu/vol7/issue1/dahlberggold.html>
- Gibson, A. (2019). Free Speech and Safe Spaces: How Moderation Policies Shape Online Discussion Spaces. *Social Media + Society*, 5(1). Retrieved from <https://journals.sagepub.com/doi/10.1177/2056305119832588>
- Habermas, J. (1989). The Public Sphere. In S. Seidman (Ed.) *Jurgen Habermas on Society and Politics: A Reader* (pp. 231–236). Boston: Beacon Press.
- Foot, K. A., Schneider, S. M. (2002). Online Action in Campaign 2000: An Exploratory Analysis of the U. S. Political Web Sphere. *Journal of Broadcasting & Electronic Media*, 42(2), 222–244.
- Fraser, N. (1990). Rethinking the Public Sphere: A Contribution to the Critique of Actually Existing Democracy. *Social Text*, 26, 56–80. DOI: 10.2307/466240
- Negt, O., Kluge, A. (1993). *Public Sphere and Experience: Toward an Analysis of the Bourgeois and Proletarian Public Sphere*. Minneapolis: University of Minnesota Press.
- Poor, N. (2005). Mechanisms of an Online Public Sphere: The Website Slashdot. *Journal of Computer-Mediated Communication*, 10(2). Retrieved from <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1111/j.1083-6101.2005.tb00241.x> DOI: 10.1111/j.1083-6101.2005.tb00241.x
- Sunstein, C. R. (2009). *Republic.com 2.0*. Princeton: Princeton University Press.

Статья поступила в редакцию 05.11.2022
Статья принята к публикации 28.12.2022

Для цитирования: Мартянов Д. С. Трансформация виртуальной публичной сферы в условиях специальной военной операции. Южно-российский журнал социальных наук. 2022. Т. 23. № 3. С. 20–32.

TRANSFORMATION OF VIRTUAL PUBLIC SPHERE IN THE CONTEXT CONDITIONS OF A SPECIAL MILITARY OPERATION

D. S. Martyanov

Denis S. Martyanov

E-mail: dsmartyanov@mail.ru. ORCID 0000-0001-7755-8086

Institute of Scientific Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, Nakhimovsky prospect, 51/21, Moscow, Russia, 117418

St. Petersburg State University, Universitetskaya nab. 7/9, St. Petersburg, 199034, Russia

Acknowledgements. The research was conducted under the project № 122101100040-8 "Features of modern political discourse and interaction mechanisms in virtual communities VKontakte and Telegram", carried out at RAS Institute of Scientific Information on Social Sciences, as a result of the selection of research projects funded by the Russian Ministry of Science and Higher Education and the Expert Institute for Social Research.

Abstract. This study focuses on the specifics of the discourse of the Russian virtual public sphere as exemplified by the politicized virtual communities of the Vkontakte social network and the Telegram messenger. The relevance of the topic is linked with the special military operation as a factor exerting a substantial influence upon the transformation of both a political discourse and the communicative practices in the cyberspace. The novelty of the research is determined by the accent on the developments that occur in the Russian communicative space under the conditions of the SMO. The objective of this paper is to reveal the specificity of the virtual public sphere functioning in conditions of the Special Military Operation, while also considering the platform features of the Vkontakte social network as well as of the Telegram messenger. The analysis of the discourse of virtual communities was the main method of research. The analysis of the virtual communities discourse was used as the main research method. 105 communities on the Vk.com and Telegram were analyzed, where 100 comments were considered in the two most popular posts. The article makes it possible both to draw conclusions about the specific nature of communication under conditions of the Special Military Operation and also to characterize the state of the virtual public sphere. The author identifies a fundamental impact of the SWO factor on political communication in the Russian-speaking Internet. The virtual public sphere is described as a reasonably segmented area, incorporating many communities that tend toward homogeneous communications of the “echo-chamber” type. This is conditioned by consolidation of the Russian society with regard to the Special Military Operation. The evidence of this is the fact that the prevailing discourse in the context of SMO in the Russian virtual public sphere is that of discourse of patriotism, while the most prevalent group identity is that of civic identity. In addition, the author makes a number of conclusions concerning inter-platform specifics of political communication.

Keywords: public sphere, virtual community, echo chamber, political discourse, social networks, special military operation.

DOI 10.31429/26190567-23-3-20-32

References

- Al-Saggaf, Y. (2006). The Online Public Sphere in the Arab World: The War in Iraq on the Al Arabiya Website. *Journal of Computer-Mediated Communication*, 12(1), 311–334. DOI: 10.1111/j.1083-6101.2006.00327.x
- Antyukhova, E. A., Blokhin, V. F. (2022). Transformaciya publichnoy sfery v gody Pervoy mirovoy voyny: Otnosheniye k voynе i miru [Transformation of the Public Sphere During the First World War: Attitudes towards War and Peace]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4: Istoriya. Regionovedeniye. Mezhdunarodnyye otnosheniya* [Bulletin of the Volgograd State University. Series 4: History. Regional studies. International Relations], 27(1), 6–19.
- Asen, R., Brouwer, D. (Eds) (2001). *Counterpublics and the State*. New York: State University of New York.
- Castells, M. (2016). *Vlast' kommunikacii* [Power of Communication]. M.: Izd. dom Vyshey shkoly ekonomiki.
- Dahlberg, L. (2001). Computer-mediated Communication and the Public Sphere: A Critical analysis. *Journal of Computer-Mediated Communication*, 7(1). Retrieved from <http://jcmc.indiana.edu/vol7/issue1/dahlbergold.html>
- Foot, K. A., Schneider, S. M. (2002). Online Action in Campaign 2000: An Exploratory Analysis of the U. S. Political Web Sphere. *Journal of Broadcasting & Electronic Media*, 42(2), 222–244.
- Fraser, N. (1990). Rethinking the Public Sphere: A Contribution to the Critique of Actually Existing Democracy. *Social Text*, 26, 56–80. DOI: 10.2307/466240
- Gibson, A. (2019). Free Speech and Safe Spaces: How Moderation Policies Shape Online Discussion Spaces. *Social Media + Society*, 5(1). Retrieved from <https://journals.sagepub.com/doi/10.1177/2056305119832588>
- Habermas, J. (1989). The Public Sphere. In S. Seidman (Ed.) *Jurgen Habermas on Society and Politics: A Reader* (pp. 231–236). Boston: Beacon Press.

- Mart'yanov, D. S. (Ed.) (2019). *Upravlyayemost' i diskurs virtual'nykh soobshchestv v usloviyakh politiki postpravdy* [Manageability and Discourse of Virtual Communities in the Context of Post-truth Politics]. SPb.: ElekSis.
- Martyanov, D. S. (2012) Transformatsiya konceptual'noy skhemy "Politika i Internet" v postglobal'nom kontekste [Transformation of the Conceptual Scheme "Politics and the Internet" in a Post-global Context]. *Politicheskaya ekspertiza: POLITEKS* [Political Expertise: POLITEKS], 8(3), 160–169.
- Martyanov, D. S. (2014). Setevaya identichnost': Transformatsiya fenomena i podhodov k izucheniyu [Network Identity: Transformation of the Phenomenon and Approaches to Learning]. *Politicheskaya ekspertiza: POLITEKS* [Political Expertise: POLITEKS], 10(4), 142–160.
- Martyanov, D. S., Lukyanova, G. V. (2021). Emotsional'naya publichnaya sfera: polarizatsiya paralingvisticheskogo internet-diskursa [Emotional Public Sphere: Polarization of Paralinguistic Internet Discourse]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10. Zhurnalistika* [Bulletin of Moscow University. Series 10. Journalism], 2, 25–48.
- Martyanov, D. S., Martyanova, N. A. (2019). Upravlyaemost' virtual'nykh soobshchestv: sravnitel'nyy analiz politizirovannykh grupp Vkontakte [Manageability of Virtual Communities: A Comparative Analysis of Politicized Vk.com Groups]. *Zhurnal politicheskikh issledovaniy* [Journal of Political Studies], 3(3), 79–93.
- Negt, O., Kluge, A. (1993). *Public Sphere and Experience: Toward an Analysis of the Bourgeois and Proletarian Public Sphere*. Minneapolis: University of Minnesota Press.
- Poor, N. (2005). Mechanisms of an Online Public Sphere: The Website Slashdot. *Journal of Computer-Mediated Communication*, 10(2). Retrieved from <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1111/j.1083-6101.2005.tb00241.x> DOI: 10.1111/j.1083-6101.2005.tb00241.x
- Semenov, E. E. (2017). Transnatsional'naya publichnaya sfera: efekty globalizatsii [The Transnational Public Sphere: The Effects of Globalization]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy about the World and Man], 6(6A), 166–173.
- Sunstein, C. R. (2009). *Republic.com 2.0*. Princeton: Princeton University Press.
- Tumanova, A. S. (2012). Organizatsiya pomoshchi frontu i zhertvam voyny kak rezul'tat sovmestnykh usilii vlasti i grazhdanskogo obshchestva v gody Pervoy mirovoy voyny: institucional'nyy i pravovoy aspekty [Organization of Assistance to the Front and War Victims as a Result of Joint Efforts of the Authorities and Civil Society during the First World War: Institutional and Legal Aspects]. *Grazhdanskoye obshchestvo v Rossii i za rubezhom* [Civil Society in Russia and Abroad], 4, 34–40.

Received 05.11.2022
Accepted 28.12.2022

For citation: Martyanov D. S. Transformation of Virtual Public Sphere in The Context Conditions of a Special Military Operation.— *South-Russian Journal of Social Sciences*. 2022. Vol. 23. No. 3. Pp. 20-32.

© 2022 by the author(s). This article is an open access article distributed under the terms and conditions of the Creative Commons Attribution (CC BY) license (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).